

Введение

Изменение границ Восточной Европы, произошедшее во время и после Второй мировой войны, привело и к изменению состава ее населения — выселению прежних жителей и заселению новых. Одним из регионов, население которого полностью сменилось в ходе войны, оказались Карельский перешеек и Приладожская Карелия, переданные Финляндией Советскому Союзу: первый раз — в марте 1940 г. и затем, повторно, — осенью 1944 г. Окончательная передача этих территорий была подтверждена Парижским мирным договором 1947 г.

В то время как истории советско-финских отношений накануне Зимней войны и самой Зимней войне было посвящено значительное число работ как западных, так и отечественных специалистов¹, послевоенное освоение новоприобретенных территорий до сих пор остается малоизученным. Единственная попытка обобщить документальные свидетельства о развитии «новых районов» была предпринята краеведами Евгением Балашовым и Виктором Степаковым². Изучение советской истории бывших финских земель стало одной из основных задач международного проекта *The Conditions for Constructing New Russia. Interactions of Tradition and Europeanness in the Development of 20th Century Russia*³, возглавляемого финским историком Антти Лайне.

¹ Trotter W. R. The Winter War: the Russo-Finnish war of 1939—40. London: Aurum, 2002. Haines W. W. Winter War. Thorndike, Me.: Thorndike Press; Bath, England: Chivers Press, 1998. 383 p. 283 p.; Зимняя война. 1939—40. Ч. 1. Политическая история. М.: Наука, 1998. 382 с. Историографические обзоры исследований советского времени см. в кн.: Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (Историографический обзор) // Историография советской Карелии. Итоги и перспективы изучения / Под ред. А. С. Жербина, К. А. Морозова. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1986. С. 127—147; Finland's war years, 1939—45. A list of books and articles concerning the winter war and the continuation war, excluding literature in Finnish and Russian / Compiled by K. Nyman. Helsinki: Society of Military History, 1973. 259 p. Сборники материалов: По обе стороны карельского фронта, 1941—1944: Документы и материалы / Под ред. В. Г. Макарова. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.; Тайны и уроки зимней войны. 1939—1940. СПб.: Полигон. 2000. 544 с.; Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939—1940 г. В 2-х частях / Сост. Е. А. Балашов. СПб.: Альманах «Цитадель», 2000.

² Балашов Е. А. Карельский Перешеек. Земля неизведанная. Ч. 1. Юго-Западный сектор. СПб.: Новое время, 1996; Степаков В., Балашов Е. В «новых районах». Из истории освоения Карельского перешейка 1940—1941, 1944—1950 гг. СПб.: Нордмедиздат, 2001. 143 с.; Степаков V. Sodalla on hintansa. Helsinki: Otava, 1996. 415 p.

³ Поддержан Финляндской Академией в 2000 г.

По инициативе Пекки Хакамиеса в рамках проекта была создана небольшая исследовательская группа, которая, как предполагалось, сможет собрать устные свидетельства о процессе освоения Приладожской Карелии и Карельского перешейка советскими переселенцами. В ее состав вошли Пекка Хакамиес, Марина Хаккарайнен, Екатерина Мельникова, Вероника Макарова и Оксана Филичева. В наши задачи входило изучение таких вопросов, как адаптация советских переселенцев в новом культурном ландшафте и социальном окружении, сохранение допереселенческой устной традиции и создание новой, определение границ собственной общности и отождествление себя с коренными жителями этой территории, отношение к довоенному прошлому края и его прежним населением. Представление материалов, полученных в ходе этой работы, и является целью настоящего издания⁴.

В период с 2001 по 2003 г. наша группа провела три экспедиции в исследуемом регионе. При выборе места работы мы ориентировались, во-первых, на сохранность финских построек на этой территории, поскольку нас интересовали механизмы освоения оставленного финнами культурного ландшафта, а во-вторых, на освоенность этого ландшафта русским населением. Кроме того, мы хотели сравнить стратегии адаптации на территории Карельского перешейка, вошедшего в состав Ленинградской области, и Карелии, имевшей в составе СССР статус самостоятельной республики. Этим условиям вполне отвечали пос. Мельниково (Приозерский район Ленинградской области) и г. Лахденпохья (центр Лахденпохского района Республики Карелия), ставшие основными пунктами работы экспедиции. Кроме того, мы смогли пообщаться с жителями окрестных поселков и хуторов: Васильево и Студеное, расположенных в нескольких километрах от Мельникова, и Куркиёки, Лумивара, Ихала, а также фермы «Труд» — ближайших пригородов Лахденпохья.

За время работы было взято 84 интервью у 95 информантов⁵. Наши собеседники — это в основном люди 1920-х (51 человек) и 1930-х (29 человек) годов рождения. Большинство из них являются собственно переселенцами, т.е. приехали в Карелию в послевоенные годы. В нескольких случаях нам также удалось поговорить с их детьми, родившимися уже в «новых районах». Примерно треть опрошенных⁶ приехали сюда в возрасте старше 20 лет, многие из них самостоятельно принимали решение о переезде. Гораздо большему числу рассказчиков было в момент первого приезда в Карелию менее 20 лет. Они приезжали в составе семьи, и многие были еще детьми. Среди наших информантов 73 женщины

⁴ В рамках проекта был также подготовлен сборник «Moving in the USSR», куда вошли аналитические статьи участников нашей исследовательской группы, посвященные интерпретации материалов, записанных в ходе трех экспедиций в Карелию и на Карельский перешеек. Его издание планируется осуществить в 2005 г.

⁵ Расшифровки полевых записей хранятся в архиве факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, оригиналы аудиозаписей — в Университете Йюенсуу (Финляндия).

⁶ К сожалению, не во всех случаях у нас есть данные о времени приезда информантов.

ны и 22 мужчины. Такое гендерное соотношение является следствием общей демографической картины региона: как, вероятно, и во всей России, большинство пожилых жителей Карелии — это женщины.

Особенности миграции на территорию Приладожской Карелии и Карельского перешейка

После нападения гитлеровской Германии на Польшу осенью 1939 г. и начала войны в Европе Советский Союз потребовал от Финляндии передачи территорий на Карельском перешейке и ряда островов в Финском заливе, объясняя это требование необходимостью обезопасить подступы к Ленинграду. Политическое руководство Финляндии отвергло эти притязания, и в конце ноября 1939 г. началась короткая, но кровопролитная война, известная под названием «Зимней», или «Финской». Результатом этой войны стал мирный договор, подписанный в Москве 12 марта 1940 г., согласно которому Финляндия обязывалась передать Советскому Союзу весь Карельский перешеек с г. Выборгом (Виипури) и Выборгским заливом с островами, западное и северное побережья Ладожского озера с городами Кексгольм, Сортавала, Суоярви, ряд островов в Финском заливе, территорию восточнее Меркярви с г. Куолаярви, часть полуостровов Рыбачьего и Среднего, а также соглашалась предоставить в аренду на 30 лет полуостров Ханко и морскую территорию вокруг него для создания советской военно-морской базы⁷. Потеря карельской территории была наиболее значительна для Финляндии, поскольку ее население составляло тогда свыше 10 % всего населения страны, а местные крестьянские хозяйства играли существенную роль в продовольственном снабжении государства. В марте 1940 г. в течение двух недель более 400 000 финских жителей были эвакуированы в глубь Финляндии. Большинство новоприобретенных финских территорий, за исключением полосы, непосредственно прилегающей к Ленинграду и отошедшей к Ленинградской области, вошли в состав Карельской АССР, тогда же преобразованной в Карело-Финскую ССР⁸. После окончания Второй мировой войны территория Карельского перешейка была включена в состав Ленинградской области.

В 1941 г. Финляндия выступила на стороне Германии и начала наступление на Карельском фронте. После того как земли в Приладожской Карелии и на Карельском перешейке были заняты финскими войсками, значительная часть прежнего населения этих территорий вернулась в свои дома. В коммуну Ряйсяля (Мельниково) в период с 1941 по 1944 г. приехали 91 % прежних жителей⁹.

⁷ По обе стороны карельского фронта. С. 46–47. № 36 (Мирный договор между Советским Союзом и Финляндией от 12 марта 1940 г.).

⁸ Степаков В., Балашов Е. В «новых районах». С. 20–21.

⁹ Материалы семинара по истории Зимней войны и эвакуации финского населения, проводившегося 13 марта 2004 г. в Сякюля (Финляндия).

В 1944 г. в связи с наступлением советской армии и последующим перемирием 19 сентября финское население снова было полностью эвакуировано. Соглашение о перемирии требовало от финского командования передачи территории «в полной сохранности и в исправном состоянии»¹⁰.

Финские жители дважды покидали свои дома, и дважды в эти же дома приезжали советские переселенцы. Уже весной 1940 г. при Совете Министров СССР был создан специальный Переселенческий отдел, занимавшийся вербовкой населения в «новые районы». В 1940-е гг. освоение Приладожской Карелии и Карельского перешейка имело большое значение для советского правительства: здесь размещались гидроэлектростанции, с помощью которых предполагалось решить проблему энергоснабжения в северном регионе, и в частности в Ленинграде. Целлюлоза, выпускаемая деревообрабатывающими заводами Карелии, была необходима для оборонной промышленности¹¹.

Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 28 мая 1940 г., в «новые районы» намечалось переселить 40 тысяч семей колхозников из Белорусской и Украинской ССР, Мордовской, Татарской, Чувашской автономных республик, Вологодской, Калининской, Кировской, Пензенской, Рязанской, Смоленской и Тульской областей РСФСР. Однако, как отмечают В. Степаков и Е. Балашов, план заселения Карелии в 1940 г. не был выполнен¹². Большинство крестьян не собирались оставлять свои дома и переезжать на новые места, несмотря на то что здесь им предлагались оставшиеся финские постройки и целый ряд льгот: продовольственная ссуда сроком на 2 года, семенная ссуда в размерах, отвечающих их посевным планам, кредит на приобретение коров сроком на 5 лет и кредит на хозяйственное оборудование в сумме 300 рублей на семью¹³. К концу июля 1940 г. на территории Карельского перешейка и Северного Приладожья удалось организовать только 4 совхоза и 7 колхозов. Тем не менее за счет, видимо, принудительного своза хозяйств к весне 1941 г. здесь было создано уже 15 совхозов и 442 колхоза¹⁴, а численность населения составила 188 тысяч человек¹⁵. В 1940 г. начался массовый своз хуторов. Только в Куркиёкском районе КФССР предполагалось перевезти в поселки 1760 хуторских домов и построек. Небольшие земельные участки, использовавшиеся финнами, были переделаны в большие колхозные поля.

¹⁰ По обе стороны карельского фронта. С. 563. № 396, п. 7 (Приложение к «Соглашению о перемирии между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией — с другой», подписанному в г. Москве 19 сентября 1944 г.).

¹¹ *Килин Ю.* Карелия в политике советского государства 1920–1941. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1999. 275 с.; *Laine A.* Modernisation in the 1940s and 1950s in the part of Karelia that was annexed from Finland on 13 March 1940 // *Moving in the USSR* (в печати).

¹² *Степаков В., Балашов Е.* В «новых районах»... С. 34, 65.

¹³ Там же. С. 36.

¹⁴ Там же. С. 53, примеч. 82.

¹⁵ Там же. С. 47.

После 1944 г. переселенческая кампания, которой теперь занималось специальное управление при Совете Министров РСФСР, проходила еще более успешно. Многие хозяйства, оказавшиеся в зоне военных действий, были разрушены. По всей стране, и особенно в сельской провинции, не хватало продовольствия. Значительное число семей после войны оказались без крыши над головой и средств к существованию. В Карелии же им по-прежнему предлагались готовые дома и в некоторых случаях — денежная помощь. Вербовкой колхозников и демобилизованных занимались специальные уполномоченные, направлявшиеся в различные регионы СССР. Из числа завербованных создавались сельхозарттели, в дальнейшем были преобразованы в колхозы¹⁶.

Одну часть переселенцев, приехавших в Карелию после Великой Отечественной войны, составили те, кто уже проживал здесь в 1940 г., другую часть — совершенно новые люди. Во многих случаях переселялись целые колхозы; они обустроивались на новом месте, сохраняя нередко свое старое название. В результате кампании второй половины 1940—начала 1950-х гг. в Карелию приехали выходцы из Белорусской и Украинской ССР, Чувашской и Мордовской АССР, а также Калининской, Кировской, Ярославской, Владимирской, Псковской, Новгородской, Вологодской и Рязанской областей¹⁷.

Начиная с 1947 г. финские населенные пункты, находящиеся на Карельском перешейке и вошедшие в состав Ленинградской области, стали переименовывать. На территории же Карело-Финской АССР была оставлена старая финская топонимика.

История освоения бывших земель во многом типична для развития территорий, приобретенных во время Второй мировой войны. Наиболее близкие параллели мы находим в истории образования Калининградской области — территории бывшей Восточной Пруссии, отошедшей к Советскому Союзу в 1946 г. Выселение прежних жителей, заселение в короткие сроки новых завербованных или насильственно перевезенных из разных регионов страны людей, формирование новой административной системы, реорганизация оставшихся на территории инфраструктуры и системы землепользования, массовые переименования — все это характерные черты послевоенного освоения новых земель. Для самих приезжих это освоение означало смену культурного и собственно географического ландшафта, изменение социального окружения, а также, по всей видимости, столкновение со специфической идеологией приграничных районов, требовавшей от жителей быть постоянно «на чеку» и, как кажется, во многом определявшей взгляд переселенцев на собственное место в локальной истории края.

Благодаря изданию «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев»¹⁸, подготовленному исследователями из Калининградского уни-

¹⁶ Там же. С. 64.

¹⁷ Там же. С. 65.

¹⁸ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. СПб.: Бельведер, 2002. 272 с.

верситета, у нас есть обширный материал для сравнения. Как показывают включенные в этот сборник интервью, в рассказах «карельских» и «калининградских» переселенцев многие темы оказываются общими. Спустя несколько десятилетий они вспоминают об одних и тех же проблемах первых лет жизни на новых землях, в устной традиции обоих районов встречаются зачастую дословно повторяющиеся рассказы о находке оставленных прежними жителями вещей, об обнаружении «новых» домов. Однако процесс адаптации советских жителей на финских землях имел свои особенности. На территориях, принадлежавших Финляндии, разрушения, связанные с боевыми действиями, были минимальны. Жилые и хозяйственные постройки, административные сооружения, церкви достались новым жителям в полной сохранности. Более или менее серьезное строительство началось здесь значительно позднее. В отличие от людей, переехавших в Калининградскую область, карельские переселенцы не застали здесь никого из прежних жителей. Оказавшись преемниками «мира вещей», они не были преемниками в области местной устной традиции.

Большинству приезжих, судя по их воспоминаниям, было известно о том, что они едут «в Финляндию». Уполномоченные по вербовке, разосланные в разные регионы Советского Союза, рассказывали крестьянам и горожанам о красивых землях, показывали фотографии с видами Карелии и, вероятно, сообщали какие-то сведения из истории обретения советским государством этого края. В первые послевоенные годы здесь еще стояли войска, и пограничники играли значительную роль в «просвещении» местных жителей относительно прежних насельников. Таким образом, уже с момента появления здесь первых советских жителей их формирующаяся устная традиция имела «финский колорит». Финны, которые были полностью вывезены отсюда после войны, становились постоянными персонажами местных рассказов, а сам факт того, что эта земля принадлежала Финляндии, до сих пор остается поводом для размышлений местных жителей о законности их прав на эту территорию. Рассказывая о себе, они часто сравнивают свой образ жизни с другим — финским, иногда известным им только по слухам.

Вплоть до начала перестройки территория Карелии и Карельского перешейка была закрыта для иностранных туристов. Но с 1990-х гг. финны, жившие здесь до войны, получили возможность приезжать на родину, чтобы посмотреть свои дома, сходить на кладбище. Общение с финскими туристами, поток которых в последние годы несколько уменьшился, стало также постоянной темой разговоров местных жителей. Связи с Финляндией — как на уровне местной администрации и краеведческих объединений, так и в сфере личных отношений — являются сейчас одной из доминант в жизни местного сообщества. Финны оказывают спонсорскую помощь для создания небольших ферм и предприятий, помогают восстанавливать церкви и другие разрушенные здания. Новые и старые хозяева домов поддерживают приятельские отношения и охотно ездят друг к другу в гости.

Сейчас в районах, перешедших после войны к СССР, живут несколько поколений людей. Многие из них родились и выросли здесь, для них этот край — родина *de facto*. Рядом со старыми финскими кладбищами разрослись советские. В 1990-х гг. здесь появились и новые переселенцы — выходцы из Узбекистана, Закавказья и Северного Кавказа. Понятие «переселенец» в настоящее время уже не вполне применимо к нашим собеседникам. Большинство из них считают себя коренными жителями этих земель.

Способы сбора и репрезентации материалов

Начиная работу над проектом, мы планировали собрать информацию о различных сферах жизни местных жителей как в прошлом, так и в настоящем. Нас интересовали их воспоминания о переселении, эвакуации и первых годах после переезда на новые места. Мы старались провоцировать рассказчиков на монолог — то, что в западной историографии получило название *personal experience narrative*, т. е. рассказ, движимый только логикой самого информанта, в минимальной степени подверженный вмешательству интервьюера. С этой целью мы обычно начинали разговор со слов: «Расскажите, пожалуйста, как Вы попали сюда». Довольно часто в ответ на это предложение собеседник действительно рассказывал о войне, эвакуации, переезде. Но далеко не все наши информанты в силу своих личных особенностей хотели и могли *рассказывать*. Для большинства людей гораздо более естественной формой общения оставалась беседа, диалог, поддерживаемый заинтересованностью собеседников. Поэтому наши интервью — это прежде всего записи диалогов, разговоров на разные темы.

В первый наш приезд — в Мельниково (Ряйсяля) в 2001 г. — мы взяли с собой заранее подготовленный опросник. Тогда он состоял даже не из вопросов, а, скорее, из набора очень широких тем, обсуждение которых могло бы помочь нам понять механизмы формирования местной традиции, ее изменения и бытования. С первых же интервью мы старались не столько получить определенную информацию, сколько обнаружить, какие темы занимают наших собеседников, о чем им интересно говорить и о чем они привыкли рассказывать. Здесь, как представляется, заключается одно из существенных различий в работе фольклориста и историка. Мы ориентировались на получение «типовых» рассказов — тех, которые обсуждаются людьми и без нас, а потому многим известны. Несмотря на то что эти рассказы меняются от интервью к интервью, они тем не менее сохраняют общую структуру и набор мотивов. Историки же стремятся узнать устные версии событий, о которых им известно по другим — письменным — источникам¹⁹. Степень попу-

¹⁹ Ср.: «Подавляющее большинство опубликованных автобиографий относится к узкой группе политических, социальных и интеллектуальных лидеров, и даже если историку посчастливится найти автобиографию, связанную с интересующими

лярности «истории» в таком исследовании приобретает значение только во время процедуры критики источника: чем более стереотипным кажется рассказ, тем большему сомнению подвергается его достоверность. В нашей же работе повторяемость сюжета имела принципиальное значение уже во время интервьюирования. Мы старались найти «общие места» того социального дискурса, который объединяет данное сообщество и отличает его от прочих.

Нас, конечно, интересовало прошлое этих людей и этого края. Мы спрашивали о колхозном хозяйстве, о временах переименования, о начале строительства и разделе полей, об истории и причинах переезда. Ответы на эти вопросы, как представляется, были только репликой в данном конкретном интервью и, возможно, никогда не были и больше не будут услышаны. Именно потому, что эти темы редко обсуждаются, подобные воспоминания в наименьшей степени подвержены стереотипизации, более индивидуальны. Эта информация, вполне вероятно, будет полезна для профессиональных историков в качестве сравнительного материала для изучения освоения «новых районов». В основном же наши записи состоят из различных вариантов излюбленных в данной местности рассказов.

Круг этих сюжетов и лег в основу настоящего сборника. После долгих и нелегких обсуждений (продолжавшихся вплоть до дня сдачи сборника в издательство) мы решили не публиковать интервью полностью, а разделили их на отрывки и сгруппировали по темам, которые, как мы полагаем, и составляют устный репертуар местных жителей. Структура сборника стала результатом уже проделанного, хотя и только предварительного, анализа полученных материалов. Следуя все той же логике поиска «общих мест», мы стремились показать все их многообразие, с одной стороны, и стереотипность — с другой. Отказываясь от публикации целых интервью, мы предпочли включить большее число рассуждений на одну тему, вариантов одних и тех же рассказов. В предисловии к каждому разделу мы попытались обосновать выделение той или иной темы, дать краткую характеристику отдельным сюжетам.

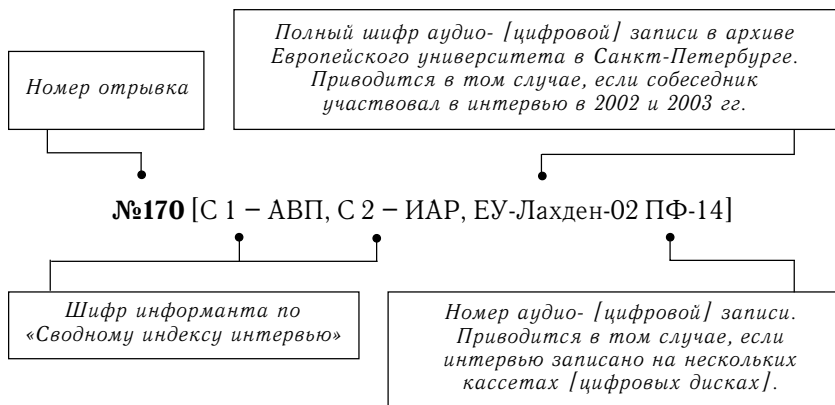
Безусловный и, думается, главный недостаток такого способа публикации связан с тем, что высказывания наших информантов оказываются вырваны из контекста всей беседы. Эту проблему мы постарались решить путем публикации практически всех отрывков таким образом, чтобы они начинались с вопроса собирателя, которым и было инициировано обсуждение той или иной темы. Заканчиваются отрывки там, где, по нашему мнению, рассказчик завершает обсуждение, а следующий воп-

его конкретными местом, временем и социальной группой, в ней может почти или совсем не уделяться внимания изучаемой им проблеме. И напротив, специалисты по устной истории могут точно определить, кого им интервьюировать и о чем спрашивать... Исследователи устной истории теперь могут мыслить "по-издательски": подумать, какие сведения им нужны, отыскать и получить их». (Томпсон П. Голос прошлого. Устная история: Пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. С. 17).

рос собирателя затрагивает уже другую область. Для того чтобы показать «механику» опроса, которая была общей для всех участников исследовательской группы, в конце сборника мы публикуем практически полностью расшифровки четырех интервью. Одно из них взято в пос. Мельниково, три — в г. Лахденпохья.

Мы постарались свести к минимуму послеполевое вмешательство, полностью сохранив особенности речи как информантов, так и собирателей, отказавшись от корректуры синтаксиса и орфографии разговорной речи. Сокращению подвергались дословно повторяющиеся вопросы собирателя, связанные с плохим слухом информанта, и в редких случаях — те отрывки интервью, где рассказчик отвлекается на совершенно посторонние, не связанные с темой беседы проблемы.

Способ представления отрывков интервью

- Е *А і а аі аі деее, ÷оі апòù еàеèа-òі òàеí ùá òеí пееа òдї і і ÷ее?*
- №1 *Í àò. Í á áúеí. Òдї і і е òàеèò òàеí ùò, òàеèò í á áúеí.*
- №2 *Äа òдї і і ÷ее-òí áúеè – òí äеèè äí çäà í çäðà. Äае, уòí і òí пòí òдї- і і ÷:èà: еääòü è äñ, è äдї ää óæ і і пëä í á äí уеèñü.*
- №1 *Í ó-í ó-í ó... Äа, äà, äà.*
- №2 *Еäñì ì ì дүì ì – òдї і і ÷:èà í äáí еüøäу. Еääòü еäñì ì äáí еü í çäðà.*
- №1 *Ì í æàò, è òеí í ù òí äеèè і і уòí е і і òдї і еä.*
- №2 *Ì í æàò, è і í è òí äеèè òòò.*
- №1 *Í í òàеò òíò, ÷òí е ì ù òí äеèè. Ä еäñ çà уáí ääì è òí äеèè еее í á òùääеèò і і еäáì .*

Сводный индекс интервью

Сводный индекс интервью (СИН), помещенный в конце книги, включает следующие сведения: *Имя, фамилия, дата рождения, место рождения, образование, профессия, место работы, время переезда в тех случаях, когда оно известно. В СИН приводятся также номера кассет (цифровых дисков) в архиве Европейского университета в Санкт-Петербурге. В конце каждой записи, в скобках приводятся номера всех отрывков из интервью с данным собеседником, включенные в сборник.*

Записи в СИН расположены в алфавитном порядке шифров информантов. Каждая запись включает сведения о поле, годе и месте рождения человека, времени переезда в тех случаях, когда оно известно. В СИН приводятся также номера кассет (цифровых дисков) в архиве Европейского университета в Санкт-Петербурге. В конце каждой записи, в скобках приводятся номера всех отрывков из интервью с данным собеседником, включенные в сборник.

Условные обозначения, принятые в сборнике

И	исследователь;
ФИ	финский исследователь;
И 1, 2	первый, второй исследователь;
С	собеседник;
С 1, 2, 3	первый, второй, третий собеседник;
Н	собеседник, чье участие в интервью ограничивалось несколькими репликами;
<...>	купюры;
[н р з б.]	слово или фраза, которые не удалось расшифровать из-за некачественной записи или плохой дикции рассказчика;
[т е к с т]	комментарии исследователя;
[текст]	слово или фраза, в точности расшифровки которых исследователь не был уверен;
< текст >	слово или фраза, добавленные исследователем для того, чтобы сделать высказывание собеседника более понятным;
ПФ	аудиокассета (полевая фонограмма);
МД	цифровой мини-диск;
д.	деревня
обл.	область.
пос.	поселок;
р-н	район;

история переселения

Довоенная история территории глазами переселенцев. Представленные в этом подразделе рассказы касаются некоторых моментов истории Карельского перешейка и Приладожской Карелии до появления в них переселенцев. В собранных интервью эти сведения немногочисленны, отрывочны и довольно кратки. В наших материалах, пожалуй, не найдется ни одного последовательного изложения событий, которое могло бы быть прочтено как история этого края с давних времен до наших дней, хотя вопрос об истории этой местности постоянно задавался в ходе сбора материала.

Конечно, способ репрезентации истории в большой степени зависит от формы изложения. В данном случае история становилась предметом устной беседы, для которой характерны диалогичность, «неравномерность» повествования — детальное описание рассказчиком незначительных с точки зрения «большой» истории событий и подчас невнимание к считающимся важными историческим этапам в рамках хронологического изложения событий, неожиданные уходы от заданной темы и проч.

На специфику репрезентации нашими информантами исторических событий повлияли также два важных момента. Во-первых, как можно видеть из представленных в настоящем сборнике текстов, большинство воспоминаний относится к недавнему прошлому. Таким образом, рассказанная переселенцами история финляндской территории до их приезда практически лишена временной глубины. История края до появления в нем переселенцев, уходящая в глубь веков, не является для настоящих жителей этих территорий актуальным прошлым. Актуальное прошлое, которое говорит о происхождении этих людей и причинах их появления на данном месте и, таким образом, дает возможность определить себя в этом мире, оказывается за пределами территории их настоящего проживания — как правило, в деревне, в селе или городке, из которых они родом. Во-вторых, на готовность излагать крупномасштабные исторические события повлияло само представление переселенцев об истории. Для одних наших собеседников понятие «история» ассоциируется с далеким прошлым и событиями, произошедшими задолго до их рождения, для других — с прошлым, рассказанным профессиональным языком историков, для третьих — это спорные моменты военных конфликтов, государственная политика и идеология. Но в любом случае практически все информанты давали понять, что история как особое знание находится за пределами их компетенции. Таким образом, право на это

особое знание оказалось как бы переданным местным краеведам и историкам, которые и являются в настоящее время главными создателями исторического нарратива в данных сообществах.

Истории переезда: первые впечатления. Сбор материалов, касающихся переселения советских жителей на аннексированные у Финляндии территории, предполагал прежде всего беседы с очевидцами этого процесса. Однако наши информанты, приехавшие в первую волну заселения — в 1940 г., были скорее его свидетелями, чем активными участниками. В большинстве случаев решение о переезде принимали не они, а их родители. Они и должны были налаживать жизнь на новых территориях. Такое положение вещей повлияло на характер собранных свидетельств, — в них ограничено представлено взаимодействие переселенцев с государственными структурами, определявшими миграционную политику, и местными формальными институтами, задачей которых было упорядочение жизни мигрантов на новом месте. События второй волны — переселения конца 40—начала 50-х гг. — уже описаны людьми, которые сами, насколько это было возможно, участвовали в принятии решений о переезде, роде своих занятий, месте проживания на новых территориях и проч. Воспоминания последних дают возможность понять, что могло руководить людьми, решившими покинуть родные края, каким образом государство стимулировало переселение, как организовывались первые колхозы на новой территории и т. д.

Участники и первой и второй волны миграции (а зачастую это одни и те же люди) принадлежат к поколению, которое вписывает начало своей сознательной жизни в контекст предвоенного и военного времени. Этот период можно коротко охарактеризовать как время социальных катастроф. И несмотря на то что судьбы людей очень разные, именно таким это время очень ярко предстает в их воспоминаниях. Рассказы о затоплении обжитых территорий с крепкими крестьянскими хозяйствами и насильственном выселении вологодцев целыми колхозами, о нищете и голоде в родных местах мордовских и чувашских, псковских и калининских крестьян — рисуют общую картину предвоенного времени.

Самым важным и трудным испытанием в жизни людей этого поколения оказывается Великая Отечественная война: именно на этот период приходится доминанта многих рассказов. Истории тех, кто в то время относился к гражданскому населению (прежде всего это женщины и дети)²⁰ и попал в зону военных действий, насыщены тяжелыми воспоминаниями о многочисленных утратах: о жизни в землянках, в полях и лесах, о постоянном страхе смерти от пуль и голода. Для тех, кто во время войны был эвакуирован, жизнь того времени предстает как бесконечная дорога и мытарства по чужим местам. Эти истории отличаются особой динамикой и часто сводятся к безостановочному перечислению населенных пунктов, в которые судьба забросила рассказчиков. При

²⁰ Для мужчин старшего возраста война связана с военными действиями, в которых они участвовали. Поскольку участие в военных действиях не было причиной переезда, эти рассказы, как правило, оказываются маргинальными в контексте истории переселения. Поэтому мы не включаем их в число определяющих.

этом описываемое социальное пространство предстает безграничным и хаотическим. Жизненный уклад послевоенного времени в условиях дефицита необходимых вещей характеризуется в рассказах (особенно это касается территорий, оккупированных немцами) постоянной борьбой за существование. Таким образом, рассказы о жизни до переезда на новые места, хотя и касаются разнообразных обстоятельств и причин переселения, практически полностью сводятся к описанию тяжелых жизненных условий. Они занимают очень большое место в биографиях и представляют рассказчиков как вынужденных переселенцев.

Детский дом в Лахденпохья. История создания детского дома в Лахденпохья составила отдельный подраздел не потому, что она выделяется из общего контекста миграции первых послевоенных лет. Скорее, наоборот, она вполне вписана в свое время и добавляет к картине переселения дополнительные штрихи. Этот в общем-то короткий и состоящий из двух фрагментов рассказ о создании детского дома в Лахденпохья оказался единственным в своем роде — только одна наша собеседница поведала нам столь ярко и эмоционально о создании учреждения, в котором она стала потом работать.

Материальный мир заселяемых территорий. Воспоминания о первых впечатлениях людей при встрече с новой территорией резко контрастируют с их рассказами о допереселенческой жизни. Прошлое переселенцев на новых территориях представлено прежде всего в описании материального мира. Новое место описывается как территория с полностью сохранившейся мирной обстановкой — целыми жилыми строениями, оставшимися в неприкосновенности хозяйственными постройками, общественными зданиями, дорогами и культивированными землями, а также почти нетронутыми войной и относительно богатыми природными угодьями. Именно в таком виде по договору должны были оставить финны свою территорию для новых хозяев.

Вполне понятно, что для людей, которые нуждались в самых обычных вещах, а зачастую были лишены крыши над головой, возможность начать новую жизнь в уже готовых домах воспринималась, и воспринимается до сих пор, как большое благо. Многие сравнивают обретенный мир со сказкой или раем. Он наполнен чудесными цветами, хуторами с плодовыми деревьями и отяжелевшими от ягод кустами, чистыми ухоженными лесами, полными грибов и ягод. На задний план отходят трудности, которые сопровождали процесс переселения и обживания нового места. А трудностей, по рассказам переселенцев, тоже было немало.

Прежде всего самые первые переселенцы, как следует из интервью, испытывали острый недостаток в продовольствии. Соответственно многие рассказы касаются найденной на новой территории еды. Только что приехавшие люди были вынуждены выбирать между угрозой голода и страхом перед оставленными на хуторах продуктами: использовать или не использовать обнаруженную в погребах еду? Сюжет о пробе продуктов часто присутствует в рассказах²¹. Также много историй о том, как снимали

²¹ См. также раздел «Финны глазами первых переселенцев», № 303—307.

оставленный финнами прошлогодний урожай — овощи, пережившие зиму. Недосток необходимых вещей заставлял первых переселенцев собирать по отдаленным пустовавшим хуторам мебель, утварь, одежду и обувь. Оставленные в центральных населенных пунктах и на оживленных дорогах дома, пережившие войну и присутствие армии, по воспоминаниям многих, были абсолютно пустыми и иногда требовали основательной уборки, дезинфекции и ремонта.

Большинство первых переселенцев вспоминают о том, что они были свободны в выборе жилья на новой территории. Недостатка в жилых домах не было — не понравившийся по каким-то причинам дом можно было тут же поменять. Но, по воспоминаниям людей, финские дома почти всем нравились: они были добротно и удобно построены и не требовали никаких переделок. С приехавшими позже дело обстояло иначе: их уже селили по несколько семей в один дом, обычно рассчитанный на одну семью. В этом случае большие помещения делили на более мелкие.

Несмотря на то что в рассказах декларируется полное принятие обретенного материального мира, сопровождающееся утверждениями о его полном соответствии жизненным потребностям переселенцев, в них можно найти и много противоположных свидетельств. Так, для русских жителей были очень непривычными типичные для финского частного дома большие кухни и довольно маленькие комнаты — их стремились функционально поменять местами; что-то достраивалось, что-то, наоборот, за ненадобностью разбиралось на дрова. Вынесенные на большое расстояние от дома туалеты старались перенести поближе. Нежилые постройки, использовавшиеся под жилье, требовали некоторой переделки. Особое место занимают воспоминания о расположении домов. Структура расселения была непривычной для новоприбывших: большинство жилых домов с хозяйственными постройками было раскидано по хуторам. Многие вспоминают о том, что дома с хуторов свозили в деревни.

Красной нитью через все интервью проходит идея о том, что обретенный переселенцами рай первых лет жизни на новом месте постепенно стал разрушаться, — многие общественные и производственные здания оказались заброшенными, пустовавшие жилые дома и подсобные постройки быстро обветшали. Расположенные в полях сараи для сена пошли на дрова, так как приехавшие крестьяне привыкли хранить сено в стогах под открытым небом. Поля оказались заболоченными, а леса — забуреломленными. Таким образом, старый мир довольно быстро начинает уступать новому порядку. Нужно отметить, что доставшийся в наследство переселенцам финский культурный ландшафт, при его сравнении с русским, представляется довольно гомогенным: территория кажется равномерно обжитой и обустроенной. Хозяйства с жилыми постройками раскиданы по всей территории, культивированные земли небольшими островками как бы внедряются в природный ландшафт. Отмеченные на карте центральные населенные пункты при финнах выполняли функцию административных и торговых центров, которые посещались хуторянами лишь в случае особой необходимости. С приездом пе-

реселенцев происходит переструктурирование культурного пространства: люди постепенно концентрируются в основных населенных пунктах, противопоставление культивированного пространства (полей и огородов) пространству природному (лесу и отдаленным островам) оказывается более четким, границы внутри культурного ландшафта проводятся по другим принципам. Государственная политика укрупнения колхозов в совхозы, по сути дела, лишь убыстряет этот процесс и гипертрофирует его.

Говоря об оставленных финнами вещах и своем взаимодействии с ними в прошлом, люди одновременно рассказывают о себе и о своем обществе в настоящем. И несмотря на то что структура повествования во многом была задана вопросами исследователей, способ рассказывания — выбор объектов описания, конкретных случаев из жизни, связанных с ними, оценка оставленных вещей — все это подчиняется общей логике репрезентации рассказчиками себя.

Начало освоения только что обретенного, еще чужого пространства в рассказах часто репрезентировано темой оставленной финнами пищи (о чем уже было сказано выше), что не случайно — ведь еда является необходимым для жизни человека условием. В рассказах о пробе спрятанных в подвалах и ямах прежними хозяевами продуктов — когда старший член семьи рискует жизнью и пробует, не отравлена ли она, чтобы затем отдать детям, — можно ощутить переживание острой опасности, исходящей от чужого. В повторяющемся сюжете о встречающем переселенцев в покинутом финнами доме горячем горшке каши или щей, стоящем на столе, чувствуется доверие к оставившим их прежним хозяевам, а также вера в их доброжелательность и гостеприимство по отношению к новоприбывшим. Описание финского — природного и культивированного — ландшафта, построек и вещей, которые наделяются в большинстве рассказов положительными качествами, выражает лояльность новых жителей по отношению к финскому миру, неотъемлемой частью которого является его материальная составляющая. Подчеркнутое неразличение финских и русских бытовых реалий говорит о желании рассказчика представить обретенный мир, как свой, а себя — как интегрированную в него часть. Напротив, различия между новоприобретенными и оставленными на родине вещами проводят границу между двумя мирами — финским и российским, а негативное описание материальных объектов выражает неприятие создаваемого ими пространства: в этом случае человек как бы отделяет себя от своего окружения, отказывается от своей причастности к нему. Тема обветшания оставленных финнами построек, разорения, перевозки хуторов и порчи природы заставляет выстроенный в рассказах мир жить по закону «ухудшения времен», который характерен для русской крестьянской нарративной традиции в целом. Рассказы о заселении домов подчеркивают одинаковую позицию всех новоприбывших на территорию в обстоятельствах, при которых происходит распределение необходимых для жизни благ, и рисуют сообщество первых переселенцев как общество равных.